

The background of the cover is a photograph of a yellow building with a prominent white dome, set against a dark blue night sky filled with stars and the Milky Way. In the foreground, there are bare trees and a low hedge. Overlaid on the top left is a graphic of musical notes on a staff. The title is written in large, white, serif capital letters.

ВРЕМЯ жестоких чудес

Ольга Небелицкая

Ольга Небелицкая

Время жестоких чудес

«Издательские решения»

Небелицкая О.

Время жестоких чудес / О. Небелицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620423-2

Зима 2005 года. Ксения Нецветай, студентка медицинского вуза, продолжает разбираться со странным наследством погибшего деда. Альтернативная реальность сгущает краски: правительство вводит новые ограничения, люди продолжают исчезать. Как понять, кто враг, а кто друг? Как остаться верной себе? Как спасти мир и свою любовь? Читайте вторую часть дилогии «Время жестоких чудес».

ISBN 978-5-00-620423-2

© Небелицкая О.
© Издательские решения

Содержание

Интро	6
ВРЕМЯ ЖЕСТОКИХ ЧУДЕС	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Время жестоких чудес

Ольга Небелицкая

Дизайнер обложки Екатерина Шрейбер

Фотограф Константин Куликов

Корректор Мария Котова

© Ольга Небелицкая, 2024

© Екатерина Шрейбер, дизайн обложки, 2024

© Константин Куликов, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0062-0423-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интро

Санкт-Петербург, апрель 1999 года

Котенок умещался в ладони и напоминал крошечный рыжий комок. Клочок шерсти. Бенцион Владимирович постоял в задумчивости и провел пальцем по рыжей шерсти – клочок пошевелился и затарахтел, будто в нем включился маленький моторчик.

Бенцион Владимирович вздохнул.

Он, как всегда по субботам, был на кладбище. Навещал Андрюшу. Наконец потеплело, и можно было очистить могильную плиту от налипших прошлогодних листьев, сучьев и прочей грязи.

– Я им поверил, – бормотал Бенцион Владимирович, сидя на корточках у могилы, – я им поверил, а тебе – нет. А когда тебя нашли... ну, в шахте той, у меня все в голове устаканилось. Не мог ты сам прыгнуть, Андрюша. Не стал бы. Я и Лену повидал. Дочь у тебя растет, Ксения. Школу скоро окончит.

Вот уже почти пятнадцать лет – один и тот же ритуал. Прибраться на могиле, погладить ладонью холодный камень, поговорить. Попросить прощения. Оглядеться по сторонам – следят ли? С одной стороны, кому он нужен – выживший из ума дед, неспособный, как они считают, принимать трезвые решения, с другой – они его в покое не оставят, он уверен.

От кладбища он возвращался одним и тем же путем – через ворота у церкви, по Камской, потом дворами Васильевского, напрямик, минуя крупные проспекты, и, наконец, через Тучков мост на Петроградку. По дороге заходил в магазин за пирожными. Андрюша любил эклеры. Ритуал завершался на кухне – свежесваренным кофе.

Сегодня в ритуал вмешался кот.

Котом это недоразумение, впрочем, назвать было сложно. Рыжий писклявый комок встретил Бенциона Владимировича в подъезде. Ладно бы во дворе – можно было бы решить, что кошачий детеныш выполз из подвального окошка и наверняка вот-вот нырнет обратно, к недавно окотившейся маме-кошке. Но котенок сидел на площадке второго этажа, будто ждал – именно здесь, именно его. В подъезде стояла мертвая тишина. Тишину нарушало только тарыхтение рыжего комка на ладони. Бенцион Владимирович вздохнул еще раз, опустил котенка на придверный коврик, поднял пакет с пирожными и пошарил в кармане в поисках ключей.

– Ну, заходи.

Не лучшее время заводить кота, говорил себе Бенцион Владимирович, а какое лучшее, отвечал себе он же спустя пару минут. Его работа – его настоящая работа, конечно, – двигалась медленно, а мир – пока так же медленно, но неуклонно – двигался в тартарары. По улицам ходили люди – ничего не подозревающие, беспечные, оглушенные действием сигнала, который подавлял волю и спутывал сознание. На орбите планеты вот уже лет девять болтались корабли, в которых – Бенцион Владимирович просыпался по ночам в холодном поту, будто чувствовал чужое сознание всей шкурой, каждой клеткой тела, – медленно, слишком медленно и чуждо – существовала жизнь, враждебная населению Земли. Угроза была реальной, осязаемой, слишком близкой и в то же время настолько самонадеянно неторопливой, что иногда Бенциону Владимировичу хотелось стряхнуть наваждение, сбросить ненужное знание, снять, в конце концов, ремень и жить дальше – как все.

Котенок сделал несколько неуверенных шагов вперед. Затем вдруг метнулся влево. Вправо. Рыжей молнией пересек коридор несколько раз, обернулся и устоялся на Бенциона Владимировича. Затем возобновил движение, всякий раз пробегая чуть большее расстояние. Влево, вправо.

Бенцион Владимирович усмехнулся и положил руку на пряжку ремня. Затем нащупал в кармане паспорт с кожаной обложкой. Рука замерла, улыбка сползла с лица.

Ремень, обложка паспорта, небольшое портмоне в кармане пальто и еще несколько вещей в квартире – предметы с особыми свойствами. Наследие работы подразделения «Экран». Можно было бы назвать эти свойства магическими, но Бенцион Владимирович был астрофизиком и не говорил о магии.

О модуляции инопланетного сигнала – говорил.

Если бы «Экран» не расформировали, таких предметов сейчас было бы больше. Много больше. Они бы нашли алгоритм их изготовления и наладили бы масштабное производство облученной материи. В конечном счете вся планета была бы снабжена средствами, чтобы дать отпор врагу – внешнему и внутреннему.

Он, конечно, идеалист, раз искренне верил, что они могут пойти таким путем – и прийти к успеху. Их враг слишком могущественен. Что много хуже, их враг – это не только корабли на орбите, а еще и люди, что годами, веками служат им на Земле. Выжидают. Готовят жатву.

Я остался один, горько подумал Бенцион Владимирович, заходя в кухню. Он поставил коробку с эклерами на стол. Один против могущественных земных элит и их союзников – какая ирония. Я, Андрюша, просил тебя подать мне знак. Я иногда смотрю в небо: ленинградское небо не такое, как на Кавказе, не такое белое от звезд, не такое яркое, но звезды – те же, просто их не видно.

Так и с надеждой, она есть – просто я не могу ее разглядеть.

Движения котенка выглядели все более упорядоченными, и Бенцион Владимирович замер, не отводя взгляда от рыжего пятнышка. Вправо. Влево. Котенок добегал до стены, потом, будто убедившись в материальности препятствия у себя на пути, поворачивался и бежал в обратную сторону. Изучал пространство?

– Амплитудой будешь, – решительно заявил Бенцион Владимирович, и котенок остановился посреди кухни. Бенцион Владимирович шагнул к нему, поднял комок шерсти и внимательно посмотрел ему под хвост.

– Тьфу, вот поди разбери ваши котовые дела. Ну, значит, Амплитуда. Коли не докажешь обратное.

Бенцион Владимирович налил в мисочку молока.

Пора варить кофе.

Андрюша снился редко, реже, чем хотелось бы.

Обычно Бенцион Владимирович видел во сне сына совсем маленького. Либо в синей школьной форме, улыбающегося, с букетом гладиолусов – на школьной линейке первого сентября. Либо загорелого, в майке-тельняшке, хохочущего на галечном пляже – во время летнего отпуска. Серьезного Андрея, склонившегося над приборами, или такого, каким он был в момент их последнего свидания, – с прилипшей ко лбу мокрой прядью, с отчаянными глазами, бледного, – Бенцион Владимирович во сне не видел никогда.

Сын уходил от него глубже и дальше в собственное прошлое, умаялся – так память Бенциона Владимировича защищала его от неизбежности боли и чувства вины. За то, что не уберег, не спас, не защитил.

Не поверил.

Мир на грани катастрофы, недруги – на земной орбите. Скоро – счет идет на месяцы или на годы? – враги соберут свою жатву. А люди этого не видят, не замечают. Что самое страшное – и не заметят.

Он – заметит. Но что он может сделать – один?

В эту ночь Андрей приснился ему взрослым. Первый раз за долгое время.

Он смотрел на отца с веселой укоризной.

Бенцион Владимирович во сне суетился, разливал кофе, переключал эклеры из коробки на блюдечко, а Андрей не сводил с него взгляда черных глаз и улыбался. Бенцион Владимирович ждал слов сына. Простит – не простит? Может быть, даст совет? Как справиться с врагом? Удастся ли Бенциону Владимировичу при жизни встретиться с внучкой? Может быть, сын расскажет, что – там?.. В небе? Где он сейчас?

Амплитуда прыгнула на колени к Андрею, и тот провел рукой по кошачьей спине. Во сне кошка была взрослой. Андрей приподнял хвост.

– Что, не видишь?

Бенцион Владимирович близоруко прищурился.

Андрей расхохотался.

– У мелкого не разглядел, так теперь посмотри внимательнее.

У Бенциона Владимировича задрожали руки. Он нетерпеливо мотнул головой:

– Теперь вижу, что кот. Но ты... Андрюша, расскажи что можешь? Я правильно веду расчеты? Я могу надеяться?

Андрей больше не улыбался. Его рука продолжала гладить кошачью спину.

– Ты можешь надеяться.

Он посмотрел вверх и заговорил о параллаксах, световых годах, звездах и планетах. Во сне Бенцион Владимирович отчаянно вслушивался в слова сына, пытаясь найти в них ответы на свои вопросы, но все сильнее запутывался; слова слились в сплошной поток, превратились в шуршание, схожее с шелестом дождя. Капли барабанили по жестяному карнизу окна все сильнее, расстояния до ближайших звезд измерены методом годичного параллакса, с Земли удастся определить параллакс звезд, расположенных не далее ста парсеков, но спутник увеличил это расстояние до тысячи, а Кавказ, Андрюша, помнишь Кавказ, помнишь белое от звезд небо и как мы впервые поймали – считали сигнал, и как мы... я не предавал, папа, сказал дождь, я знаю, Андрюша, но как мне теперь быть, ты будешь, был ответ, и надежда есть, просто не останавливай работу и ищи – божественный свет, музыку, смысл, – и ты зазвучишь громче любого сигнала.

Бенцион Владимирович проснулся от шума дождя. Первый весенний дождь – ливень – играл симфонию, вел мелодию на водосточных трубах, разрисовывал прозрачными нитями оконное стекло.

Рыжий комок спал рядом поверх одеяла.

– Кот. Вот как, – вслух сказал Бенцион Владимирович и прикрыл глаза. – Спасибо, Андрюша. Когда оно маленькое, там действительно... не разглядеть.

Он лежал и слушал мелодию дождя.

Где-то – поверх ленинградских крыш, поверх дождевых облаков, поверх атмосферного слоя и даже поверх вражеских кораблей – где-то там, поверх самого Космоса, про который говорили «Гагарин летал – бога не видел», – где-то там, бесконечно далеко, дальше любых парсеков и любых звезд совершенно точно есть высший смысл, который не допустит гибели

огромной части человечества. И он, Бенцион Владимирович – а ведь его списали со счетов и считают выжившим из ума стариком, – кажется, теперь знает, что нужно делать.

Рука погладила комок шерсти.

– Парсек, значит, – пробормотал Бенцион Владимирович, не открывая глаз. – Будешь Парсек.

ВРЕМЯ ЖЕСТОКИХ ЧУДЕС

*Человек отправился познавать иные миры, иные цивилизации,
не познав до конца
собственных тайников, закоулков, колодцев, забаррикадированных
темных дверей.*

*Если уже столько случилось, то может произойти все... Тут мы
бессильны.*

Но пока можем, мы будем вместе. А это не так уж мало.

Станислав Лем. Солярис

Глава 1

Кто меня знал, да помянет душу мою

Санкт-Петербург, январь 2005 года

Январь в Петербурге может быть разным.

Снег выпадает, лежит или тает. Дожди идут, смывают снег, движение невских вод вынуждает беспокойные реки выходить из берегов. Солнце выглядывает и прячется.

Январь – нервный месяц. Праздничная суeta сменяется апатией, но никто не успевает расслабиться: перед студентами и школьниками уже маячит начало второго, самого сложного семестра. Отложенные «на потом» мысли – о летних экзаменах, о переводных или вступительных испытаниях, о каникулах или об отпуске – возвращаются. Январь вроде бы длинный месяц, но пролетает слишком быстро, пока люди пытаются совладать с привычкой писать предыдущий год в обозначениях дат.

Январь наступившего года казался Ксене странным.

Ей было не с чем сравнивать: она впервые зимовала в Петербурге, но ее не покидало тревожное ощущение, что все вокруг *не так*.

Мороз сменился оттепелью. При попытке сойти с тротуара приходилось выбирать, в какую часть гигантской бурой лужи погрузить сапоги, машины обдавали прохожих грязью из-под колес. С крыш текло, повсюду бежали ручьи, мир, казалось, утекал в водосток и находился в непрерывном движении. По телевизору сообщили о закрытии каких-то станций метро, на экране мелькали кадры плывущих по дорогам автомобилей, и черная вода высоко подходила к гранитным набережным, то и дело переплескиваясь через край.

Ксения прикрывала глаза и видела почему-то лопасти вертолетного винта. Рубленые, слишком неровные, слишком неритмичные их движения наводили на мысль о неисправности: взмах, пауза, взмах. Что-то не так было с этим январем, с этим городом, с этим миром.

Или с ней самой?

Торговки из овощных рядов Сытного рынка, словоохотливые тетки с шерстяными платками на поясице, стали угрюмыми и настороженными. Губернатор выпустил указ о запрете посещения культовых учреждений: с февраля храмы пополнят списки уже закрытых музеев, театров и кинозалов. Объяснения были, как всегда, скудными и лаконичными: угроза инопланетного вторжения и сверхмощные вражеские технологии, которые воздействуют на человеческое сознание, если люди собираются вместе числом более пятидесяти. Правительство насто-

ятельно рекомендовало – пока это были всего лишь рекомендации – по возможности отменить перемещения не только между городами, но и внутри города.

Ксения провела дома все каникулы.

Она пару раз съездила на кафедру – обновить перечень оборудования, убедиться в том, что приборы в рабочем состоянии, а расходные материалы – в достаточном количестве. Дверь кабинета Коньшева была плотно закрыта. Что-то дрогнуло в Ксенином сознании. Ей не нравилось это ощущение: будто внутри мозга поселился мотылек и шевелит крылышками при воспоминаниях о недавних событиях.

Ксения помнила, как чудом сдала зачет по физике, несмотря на недосып и недостаточную подготовку. Кажется, Образов, всегда жесткий и требовательный, пошел на уступки и проявил удивительную лояльность.

Она помнила, как глупо поссорилась с Оксанкой из-за Сашки, а с Сашкой – из-за его настырного любопытства и желания влезть в ее жизнь. Или из-за Оксанки? Инка Аветян сказала, что Оксанка не сдала физику с первой попытки и пересдавала зачет спустя неделю. Наверное, она уехала на каникулы домой. Пока еще можно было уехать.

Шли дожди. Мокрые крыши автобусов, ларьков, мокрые плащи прохожих, зонты и лужи – все поблескивало. Город играл сам собой в мрачную мистерию, зима притворялась то ли весной, то ли осенью. Казалось, еще немного, и от малейшего дуновения ветра вода наконец вырвется из гранитных берегов и хлынет по улицам. Впору было поверить в недобрые питерские легенды и, оглянувшись, увидеть, как из тумана за твоей спиной поднимается оживший Медный всадник.

В какое-то из январских воскресений Ксения снова отправилась навестить деда и отца.

Она старалась ступать на островки асфальта между лужами, но быстро смирилась с тем, что посуху пройти невозможно. Похоже, она проведет первую петербургскую зиму с почти постоянно мокрыми ногами. Ксения получила неплохую стипендию, и зарплату на кафедре выдали с щедрой новогодней прибавкой. Она могла бы наконец купить новые сапоги. Но почему-то мысль о новых сапогах раздражала: сколько той зимы осталось?

Показалась зеленая церквушка. Ксения обычно обходила ее по широкой дуге, потому что рядом толпились люди, но сегодня народу было мало. Из приоткрытой двери донеслось пение. Снаружи у стены стояла металлическая подставка с зажженными свечками, и янтарный частокол дрожал язычками пламени на ветру.

Уже сгущались сумерки, и церковь выглядела как островок уюта и тепла среди серых и мрачных деревьев и могил. Ксения замедлила шаг.

Люди заходили в церковь, кто-то стоял возле ряда свечек, склонив голову, но Ксенино внимание зацепилось за другое. Несколько женщин шли вдоль церковной стены, обходя здание против часовой стрелки и не отрывая ладонь от стены. Ксения остановилась. Она немного подождала и убедилась в том, что не ошиблась: из-за угла слева показалась та самая женщина в красном платке, которая несколькими минутами ранее исчезла из виду. Закончив полный круг, она подошла к металлическому ящику под частоколом свечек, что-то засунула под него, прислонилась лбом к стене и в такой позе застыла.

Кто-то взял Ксению за локоть. Ксения вздрогнула и отвела взгляд от церкви. Рядом стояла сторбленная бабушка. Тело ее сгибалось почти под прямым углом, отчего бабушке приходилось задира́ть подбородок, чтобы смотреть на собеседника. Бабушка опиралась на палку, а другой рукой аккуратно, но требовательно давила на Ксенин локоть.

– Ты не смущайся, дитка, у блаженной Ксениюшки можно не только малыша вымолить, и другое можно, чего тебе надо, она сама знает.

У Ксени перехватило дыхание.

– К-ксенюшки?

Бабушка кивнула. У нее были черные глаза, которые как будто тонули в складках век. Круглое лицо покрывала сетка морщин. Глаза казались бусинками, вшитыми в мягкую игрушку. Бабушка улыбнулась беззубым ртом.

– Сюда в основном за малышом ходят, смотри, – она кивнула в сторону очереди женщин, продолжавших молчаливый обход здания, – но тебе, вижу, малыша пока не надо. Вера, даже спящая, даже безглазая сильна, а ее в тебе предостаточно. Ты с Ксенюшкой познакомься, она тебе многое подскажет.

Старушка отпустила Ксению и засемила прочь по дорожке.

Ксения шагнула по направлению к церкви и остановилась. Какая-то ее часть хотела вернуться и как можно быстрее уйти, не обращая внимания на людей, свечи и сумасшедших кладбищенских бабок.

У блаженной Ксенюшки

Но любопытство пересилило, и Ксения подошла к зданию вплотную. На белой каменной плите виднелись тисненые позолоченные буквы. Ксения пробежала по ним взглядом. «В сей часовне погребена... жена певчего Андрея... странствовала... звалась именем мужа... принимала участие в строительстве церкви... тайно таская кирпичи...». И в самом низу: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души. Аминь».

Ксения почувствовала странное облегчение: она не знала ни эту женщину, жившую в Петербурге задолго до ее приезда, ни историю ее жизни, ни приписываемые ей чудеса. Значит, и делать ничего не нужно. Все это не имеет к ней никакого отношения. Старушка права в одном: малыш Ксене сейчас точно ни к чему.

Ксения пошла дальше по дорожке, стараясь больше ни с кем случайно не встретиться взглядом.

У могилы деда Ксения почувствовала себя странно.

Будто она шла сюда с какой-то целью, а как дошла – забыла, что собиралась сказать. Или сделать. Она обошла надгробие кругом, присела на корточки, словно искала подсказку. С последнего ее посещения ничего не изменилось. Но Ксене все же стало тревожно. Опять появилось зудящее ощущение внутри головы, и Ксения потерла виски пальцами.

– С наступившим, дед, – прошептала она. – С наступившим, папа. У меня... – она растерялась и замолчала, подбирая слова. – Вроде бы все нормально. Или нет. Не знаю.

Она поняла, что действительно не знает, как у нее дела. Сессию она сдала, стипендию получила, в квартире все благополучно, Парсек сыт и здоров. Что с друзьями поспорилась – бывает, это мелочи.

Но что-то подсказывало Ксене, что как раз на такие «мелочи» Бенцион Владимирович обратил бы пристальное внимание. Она почти увидела, как он хмурится и барабанит тонкими пальцами по краю стола.

Ксения выпрямилась и постояла еще немного, переводя взгляд с могилы отца на могилу деда и обратно. Сумерки обступили ее, она уже не могла различить надгробия соседних могил. Зажглись фонари. Тишина, нарушаемая только шумом ветвей и карканьем ворон, давила Ксене на уши. Она подождала еще пару минут, словно чего-то ждала, и наконец сделала неопределенный жест рукой.

– Я пойду. – Она кивнула могилам. – До встречи. Надеюсь, когда церкви закроют, кладбище останется открытым, чтобы мне вас навещать.

Обратно Ксения шла быстрым шагом, не глядя по сторонам. Она вышла с кладбища, почти сразу же поймала маршрутку, и всю дорогу домой ее не покидало странное и щекотное чувство, будто она забыла что-то сказать. Или спросить. Или сделать.

Глава 2

Борщ – буквально

Санкт-Петербург, январь 2005 года

Ксения и предположить не могла, что пока она навещала отца и деда, Сашка тоже бродил по кладбищу.

Сашка родился и вырос на Лиговском проспекте. У него на глазах менялся облик города. На месте дома, где жили его дед и бабка, – отец успел ему показать латунные таблички с дореволюционными шрифтами на двери коммуналки, – теперь стояло здание метро. Метро – это хорошо, в этом районе людям не хватало транспорта. Обещали протянуть ветку метрополитена и к Обводному каналу. Но Сашка почти везде ходил пешком, метро его интересовало мало. Что его интересовало – так это деревья.

А с деревьями на Лиговке была беда.

Ноткины жили на пятом этаже, квартира выходила окнами на проспект. Перекрестья улиц поблизости были сплошь голыми, бетонно-каменными. Надя, которую, как любую девушку, периодически охватывала решимость похудеть (Сашка не понимал, зачем его костлявой сестрице худеть), иногда пыталась бегать по утрам. Ее попытки ограничивались парой-тройкой дней, после которых она с досадой заявляла:

– В этом районе невозможно вести здоровый образ жизни.

Сашка не любил бегать, но он любил гулять. Поэтому иногда он бродил по Волковскому кладбищу.

На Волковское кладбище его послала мамина двоюродная бабка. Суеверная баба Варя служила бесценным источником городских легенд и примет. Когда она узнала, что Сашка поступает в театральный институт, она немедленно вывалила на него ворох советов. Среди них была рекомендация прогуляться по Актерской дорожке Волковского кладбища.

– Я туда всех, всех посылаю, – напевно говорила баба Варя. – У нас кладбищ много, а такой поддержки и такой энергетики ты, рыбонька, нигде не встретишь. Только на Волковском, только там. Еще в лавру можно, там тоже все свои, но на Волковском особая, особая энергетика. Ты походи между деревьями да послушай. Сам поймешь.

Сашка пропустил пассажи про энергетiku мимо ушей, но до кладбища добрался. Ему действительно понравилось гулять по дорожкам, со временем он запомнил расположение могил известных актеров и литераторов и вступал с ними в пространные мысленные диалоги. Когда баба Варя уже была при смерти, и Ноткины по очереди несли вахту у постели болеющей старушки, Сашка развлекал ее рассказами о том, какие могилы посетил. Баба Варя расцветала, розовела, сухие губы растягивались в улыбке, и она патетически шептала:

– Энергетика, рыбонька, все дело в ней, в ней.

Теперь ноги на автомате несли Сашку на Волковское кладбище, когда ему хотелось побыть одному и поразмыслить над проблемами. В какой-то книжке он прочитал, что у каждого человека есть убежище – реальное или мысленное, где можно прополоскать мысли, как белье, которое сушится на ветру. Волковское кладбище стало для Сашки таким местом.

В этот день в середине января кладбище являло собой странное зрелище.

Деревья стояли в воде. Вода выглядела гладкой, как стекло, и возник таинственный зеркальный мир. Дорожки терялись в тумане, который бережно окаймлял видимое пространство. «Виньетка», – вспомнил Сашка название обрамления для картины или странички в книге,

а также для фотографии, когда края снимка чуть затемнены или, напротив, осветлены. Мир был обрамлен виньеткой из тумана, и ему это понравилось: настоящее Убежище.

Сашка бродил по дорожкам. Ему о многом нужно было поразмыслить. Когда он выходил из дома, на душе было тяжело, как бывает перед экзаменом, к которому ты не готов. На кладбище ему становилось легче, словно душу и в самом деле полоскал невидимый свежий ветер.

Сашка потерял шарф и чуть ослабил петлю. Он вспоминал каждое слово из услышанных в тот вечер, когда Страшила, которую он привык считать помехой, искажением привычного пространства Ксениной парадной, затащила его в приоткрытую дверь своей квартиры.

Тогда он даже не успел испугаться, просто стоял перед ней, уронив руки. В прихожей не было ни одного лишнего предмета: Сашкин взгляд метался с вешалок на шкафчик, с опрятных обувных полок – на чистый коврик. Из кухни тянуло густым запахом борща, таким аппетитным, таким... цветным – перед глазами полыхнуло морковно-свекольными разводами на бульонной глади, – что у Сашки громко заурчало в животе.

Страшила рассмеялась и протянула руки за Сашкиным пальто.

Тогда он ее и разглядел.

Никакая она была не Страшила: маска нелепой сварливой бабы слетела с нее, стало закрыться входной двери. Волосы были аккуратно уложены в косу, которая крепилась к затылку шпильками. В ушах поблескивали капельки сережек. Нос не был изящным, но и не напоминал картошку, а губы, когда их не искажал крик, оказались тонкими, слегка подведенными коралловым блеском. Глаза смотрели умно, колко и торжествующе – Страшила... тьфу, соседка конечно заметила Сашкину растерянность. Ее небольшой рост не был обманом, она глядела на Сашку снизу вверх, но привычная полнота куда-то делась, стоило ей скинуть с себя объемный фартук в нелепых оборках и остаться в простом сером платье.

– Проходи, – она кивнула в сторону, откуда волнами истекал божественный борщовый аромат, – ужинать будем.

Сашка не заставил себя уговаривать, скинул ботинки и положил на пол сумку. Соседка пропустила его и задержалась у входной двери. Она некоторое время смотрела в глазок – для этого ей пришлось встать на цыпочки, потом глубоко вздохнула, повернулась и пошла за Сашкой.

Повсюду царил такой же порядок, как в прихожей.

Сашкин взгляд скользил по светлым стенам, полкам с книгами, закрытым шкафам. Он не увидел ни одной лишней детали – ни статуэтки, ни другой безделушки. Квартира – по крайней мере та часть, которую успел увидеть Сашка, – поражала минимализмом и опрятностью. Интерьер кухни тоже был предельно скромным: плита, раковина, стол, два стула. Сашка привык, что полки на кухне – у него дома, да и у Ксени – ломятся от баночек, пачек специй, мельничек, что многочисленные гвозди несут на себе груз прихваток, рукавичек, поварешек и так далее. Здесь же его взгляд повсюду наткался на стерильную поверхность, будто он находится в операционной или в рабочем кабинете, но никак не в кухне, где господствует женщина... женщина?

Он опасливо покосился на соседку. Она кивнула на огромную эмалированную кастрюлю.

– Сначала накормлю. Как в сказке, помнишь? Накорми, напои, в баньке попарь и спать уложи, а только потом ешь – правила уважающей себя Бабы-яги. Доступно?

Сашка криво усмехнулся. Он не был до конца уверен в том, что странная тетка пошутила.

– Я... Александр, – он запоздало вспомнил правила приличия. – Здравсьте.

Соседка расхохоталась.

– Потолок покрасьте. Лариса Федоровна, майор КГБ. – Она глянула на Сашкину отвисшую челюсть, открыла шкафчик, извлекла оттуда глубокую тарелку, поварешку и ловко плеснула в тарелку борща. – Ну, в прошлом, конечно. Хотя в нашем деле прошлого не бывает, как ты понимаешь. Да расслабься уже, никто тебя есть не станет. Баньки у меня, правда, тоже нет.

Она поставила тарелку перед Сашкой. Откуда-то возникли здоровенная хлебная горбушка с сочной мякотью и стеклянная банка со сметаной. Впору и вправду было подумать, что он попал в избушку Бабы-яги.

Сашка отбросил сомнения и ринулся в битву с борщом.

Лариса Федоровна дождалась, пока Сашка уничтожит борщ, и, не спрашивая, поставила перед ним кружку с дымящимся кофе. Растворимым. Сашка поморщился, но безропотно отхлебнул коричневой жижи.

После этого она с удовлетворением кивнула.

– Выкладывай.

Сашка опешил. Пока он ел борщ, он перестал чувствовать себя стесненным, несмотря на строгий взгляд соседки. Веки налились тяжестью. Держа в руках кружку с кофе, он совсем разомлел, прислонился к стене и приготовился слушать, а тут – такое. «Выкладывай».

Сашка нахохлился и поставил кружку на стол.

Лариса Федоровна чуть заметно усмехнулась.

– Имя знаю, чей студент – тоже знаю, дефенсор, – она указала пальцем на Сашкину шею, и он вздрогнул, – узнаю. Нужны детали. Хочешь помочь Ксении – делись. Какие основания мне верить? – Соседка задумчиво изучила Сашкино лицо, потом вздохнула. – Ну, хотя бы такие, что у меня тоже есть детали пазла, который тебя наверняка очень интересует. Кульчицкого я не защитила, так давай хотя бы о его внучке позаботимся вместе.

Сашка вскинулся.

Соседка смотрела строго.

Борщовая тяжесть в животе приятно грела, кофе – хоть и растворимый – клубился насыщенным горьковатым ароматом, и Сашка сдался. Ему так хотелось выговориться, выплеснуться, довериться.

И он заговорил.

Лариса Федоровна слушала, не шелохнувшись. После того как Сашка закончил и отхлебнул кофе, она сухо сказала:

– Моя очередь.

Сашка перебирал каждое сказанное в ту ночь слово. Он уже свернул на дорожку, которая вела к выходу с кладбища. Смеркалось. Пора возвращаться домой.

Если верить Нагавкиной – а именно такая фамилия оказалась у «службиста» Ларисы Федоровны, – только у Ксени в руках есть ключи для спасения мира. Как же пафосно это звучит. Сашка вспомнил, как Ксения говорила ему:

– Если со мной что-то случится...

Вот, случилось. Нагавкина видела, как Ксения возвращалась с улицы без очков. Теперь Ксения, выходит, вернулась в «спящее» состояние, в котором пребывает большинство людей вокруг. У нее, конечно, где-то лежат и цепочка, и брелок, и плащ, но как убедить ее снова надеть дефенсор? Он, Сашка, с кусачим серым шарфом и зенитовским свитером – один из немногих, кто может трезво принимать решения.

Ну, Лариса Федоровна еще. Она показала ему свой дефенсор – цепочку с небольшим кулоном, которую она носит, не снимая, с девяностых.

Вся эта история началась давно, задолго до его рождения. Сашка задрал голову и посмотрел на уходящие в серые сумерки стволы деревьев.

Он, конечно, знал, что такое расизм и ксенофобия.

В десятом классе он вызвался писать реферат по обществознанию на тему, за которую никто из одноклассников взяться не решился. Сдача работ была приурочена к очередной годовщине Великой Отечественной войны, но Сашка копнул глубже. Он изучил нюансы терминологии и навсегда усвоил разницу между расизмом, нацизмом, национализмом и прочими понятиями, которые часто путают и употребляют в неверном контексте.

Уже тогда он понял, хотя и самому себе до конца не смог сформулировать, что только всепрощение и безусловная любовь способны оградить человека от проявлений нетерпимости к себе подобным. Единственным адекватным источником такой любви десятикласснику Сашке представлялся Бог. Не тот Бог, о котором вещали с экранов телевизоров толстые румяные попы или желчные патриархи, и не тот Бог, которого изображали на рождественских открытках умильным младенчиком.

А какой – Сашка не знал.

И ему было не с кем об этом поговорить. Ноткины не были религиозны.

Сашка сам испугался своего открытия, когда понял, что никакая социология и никакое обществоведение не уберегут человека от ненависти к себе подобным. От холодной и расчетливой ненависти, которая не про эмоции, а про принятие решений «ради общего блага». От ненависти, которой руководствовались нацисты времен Второй мировой, когда решали, кому жить, кому умереть, кто является человеком, а кто – лишь помеха на пути выживания вида.

И почему у одних живых существ есть право пользоваться другими, потреблять их в пищу, а у других такого права нет? Человек ест животных, но человек не может убивать человека. Почему?

Когда Сашка думал о бескрайнем космосе, вопросы становились шире, а проблема – глубже. Допустим, существуют иные расы, и Земля – всего лишь одна из обитаемых планет. Кто мы для остальных жителей Вселенной – равноправные обитатели космического пространства, к которым применимы этические законы, или корм, как животные или растения, которых можно и нужно использовать в пищу?

Научные фантасты давали разные ответы на этот вопрос, а Библия – единственная религиозная книга, которую Сашка откопал в квартире, – об инопланетянах молчала. Он, конечно, не читал ее целиком – слишком много занудных летописей в Ветхом завете и слишком много нравоучений в Новом, – но был уверен, что в откровениях пророков и проповедях Иисуса Христа ни слова о космосе не было.

В одиннадцатом классе Сашка еще немного помаялся философскими вопросами бытия и межвидового взаимодействия. Он увидел объявление о встречах для молодежи в храме Феодоровской Божьей матери. Сашка собрался было пойти на встречу, стесняясь и делая вид, что идет не в церковь, а на тусовку со сверстниками, но ему помешал случай.

Одноклассница Люська привела в школу тетю.

С Сашкой случилось важное с точки зрения межвидового взаимодействия событие: он впервые в жизни влюбился.

Светлана Васильевна с ее молочной кожей, черными тугими кудрями, тонкими запястьями и унизанными серебром пальцами, была актрисой театра имени Ленсовета; Люську она проводила в школу первый и последний раз в жизни, но мимолетной встречи Сашке хватило на то, чтобы четыре месяца стогать от неразделенной любви и выбросить из головы мысли о религии. Он твердо решил поступать в Театральную академию, а также с головой бросился в омут кратковременных и ярких романов.

Иисус и инопланетяне были позабыты.

У Сашки внутри осталось незаполненное пространство, повисший без ответа вопрос не давал ему покоя. До встречи с Ксеньей он чувствовал – хотя сам себе в том не признавался – дыру внутри, неустойчивость основ своего мировосприятия. Он кидал в эту дыру все, что попадалось под руку: интеллектуальную художественную литературу, артхаусное кино, головокружительные романы, мечты о недостижимых высотах, актерские амбиции.

Все было не то.

Только когда он впервые надел серый шарф и вдруг увидел мир *как он есть*, он осознал, что долгие годы его томило стремление к сверхрациональному. Только обретя Ксенью и *дефенсоры*, Сашка понял, что есть нечто, выходящее за рамки его представлений о мире.

И что он всю жизнь готовился к встрече с этим.

После знакомства с Ксеньей и после обретения *дефенсоров* Сашка начал становиться самим собой. Он получил часть ответов на вопросы школьного времени. Инопланетные расы действительно существуют, и было бы глупо со стороны человечества рассчитывать на их доброжелательное отношение. В самом деле: если посмотреть, как люди на протяжении столетий изобретают все более изысканные методы по угнетению большинства ради интересов меньшинств, чего ждать от существ, населяющих бескрайний космос?

Сашка по-прежнему не знал, какое место в этой головоломке занимает Бог и существует ли этот самый Бог, но прямо сейчас ему было не до религии. Если Бог и есть, он явно отвлекся на какие-то более важные дела, а спасти Землю от инопланетного вторжения предстоит ему, Сашке Ноткину.

Сашка горько усмехнулся. Из тумана проступили желтые стены кладбищенского храма, и Сашка забрал правее, чтобы выйти к воротам.

Нет никакого вторжения: никто не ходит по Земле под масками людей, как в низкопробных ужастиках, и не обстреливает города из инопланетных орудий, как в ужастиках классом повыше. Просто есть договор между *иными* и теми из людей, кто возомнил себя элитой, действующей в интересах вида. По этому договору он, Сашка, как и многие другие, объявлен кормовой базой, расходным материалом.

Сашка снова поднял голову и прищурился. Как будто напрягая зрение, он мог разглядеть за облаками инопланетные корабли. Которые – теперь он знал наверняка – уже много лет болтались где-то у земной орбиты.

Нагавкина сказала, что в карточках Кульчицкого зашифровано что-то предельно важное. Что именно – никто не знает. Старик работал втайне от всех, прикрываясь научной деятельностью в Пулковско. За последние годы, пока он пас молодежь и с видимым увлечением занимался проблемами черных дыр, он нащупал способ отвести от Земли тех, кто возомнил себя ее хозяевами.

Сашка вышел за ворота.

Будто дождавшись, пока он пересечет границу кладбища, включились фонари. Сашка обернулся. Желтый храм оранжевел в сумерках, свет падал на крыльцо из приоткрытой двери. Сашка слышал, что храмы скоро закроют на неопределенный срок. Он на секунду притормозил: может, вернуться, пока есть такая возможность? Но зачем? У него нет вопросов к Богу и его служителям, кроме одного: как они допустили то, что происходит с планетой? А раз так, разговор с Богом по душам может повременить, куда важнее решить, как вернуть Ксенью и как разобраться с карточками Кульчицкого.

Сашка быстрым шагом направился в сторону дома.

Итак, Нагавкина Лариса Федоровна оказалась соседкой Ксениного деда не случайно. Много лет назад она была в курсе задания секретной группы «Экран» в Карачаево-Черкесии. Теперь Сашка поименно знал всех членов команды, которая в далеких семидесятых впервые обнаружила прорехи... нет, флуктуации в каком-то реликтовом излучении.

Сашке при слове «реликт» представились древние окаменелости вроде растений или раковин, но Нагавкина пояснила, что латинское слово «реликт» означает «остаток». Остаточное излучение, заполняющее Вселенную, – вот что это такое.

Команда астрофизиков на Северном Кавказе случайно обнаружила, что к Земле медленно, но неуклонно приближаются объекты из космоса. Приближающиеся объекты изда- лека посылали на Землю сигнал, который воздействовал на человеческое сознание. И лишь РАТАН-600 вследствие особых условий и сложного совпадения кучи разных других факторов периодически выпадал из-под действия этого самого облучения.

Кульчицкий мало того что обнаружил это, он еще и проанализировал данные, составил график, по которому станцию накрывал очередной период «трезвости», и продолжал работу по графику! Пока остальной мир погружался в пучину неведения и слепоты, маленькая команда на Северном Кавказе продолжала трудиться и искать способ создать сигнал, который будет противостоять инопланетному.

И у них получилось. Но только один раз.

Сашка снова потерял шарф и перекинул его свободный конец через плечо. Становилось прохладнее. В окнах зажигался свет, и Сашка старался не думать о том, что за многими темными прямоугольниками находятся квартиры, в которые хозяева уже не вернутся.

Он зашагал быстрее, снова погружаясь в воспоминания.

Какое место во всей этой истории занимала Лариса Федоровна? С конца семидесятых она возглавляла группировку, которая обеспечивала безопасность команды «Экран».

– Личные дела, – глаза Нагавкиной смотрели насмешливо, – вот такой толщины, – она до предела растопырила большой и указательный пальцы, – и там все: от пищевой аллергии до сексуальных предпочтений. Доступно?

Сашка покраснел.

– Дружеские и прочие контакты имеют большое значение, – невозмутимо продолжила майор. Да, форма смотрелась бы на ней гармоничнее нелепого передника с рюшами. – Что я тебе разжевываю, не маленький, сам понимаешь.

Сашка понимал. Понимал он и то, что в какой-то момент члены «Экрана» приняли разные решения насчет того, кого считать друзьями и кому следует доверять.

– И с кем сотрудничать, – вздохнула Нагавкина. – Андрей Кульчицкий во время рижской конференции в конце тысяча девятьсот восемьдесят второго года вышел на контакт с представителями мировых элит. Тех самых, кто давно знал о приближающихся кораблях и планировал превратить Землю в кормушку для других рас.

Сашка вспомнил Ксенины слова.

Мы все прокляты

– А как узнали, что это сделал именно Андрей?

Нагавкина достала из ящика стола тонкую папку и протянула Сашке несколько черно-белых фотографий:

– Вот. Декабрь восемьдесят второго.

Фотограф снимал снаружи помещения – вероятно, кафе, – в то время как изображенные на фото мужчины сидели внутри, у окна. Лицо сидящего справа заслоняли узоры на стекле –

Сашка приблизил лицо к фото, прищурился и долго всматривался в снимки. На всех фотографиях было видно только край уха и нечеткий профиль. Темные волосы. Зато можно было хорошо разглядеть свитер и тонкие ладони.

Сашка помертвел. Он узнал свитер. Он коснулся плеча, где на свитере – на *его* свитере, который сейчас лежал у него дома, – виднелась знакомая зенитовская эмблема.

Мужчина в свитере держал в руках папку и протягивал ее через стол собеседнику. На другом фото он сидел, наклонившись вперед, и что-то говорил, жестикулируя. На третьем – что-то рисовал или писал на листе бумаги.

Лицо его собеседника так же скрывали узоры на стекле, и были видны только рукава пиджака и руки, в которых мужчина держал какую-то коробочку. Диктофон?

– И что это доказывает? – Сашка с вызовом глянул на Нагавкину. – Я вижу четыре руки, папку с бумагами и какое-то устройство.

– Наши спецслужбы «вели» агента той стороны, это он на фото. – Нагавкина ткнула пальцем в руки с диктофоном. – Его проследили до ресторана «Кабург» в Юрмале, где и состоялась встреча. А кто в «Экране» в начале семидесятых выбирал между карьерой физика и карьерой футболиста в клубе «Зенит», как ты понимаешь, знали все.

Нагавкина достала из папки еще одну фотографию. Сашка сразу узнал Андрея Кульчицкого, хотя до того ни разу не видел его лица. Невозможно было не узнать Ксенины острые скулы и ее же внимательные глаза. На лице молодого человека с фото расплывалась широкая улыбка, которая делала его похожим на голливудскую звезду. Андрей стоял на футбольном поле в обнимку с какими-то парнями, один из них придерживал ногой мяч. На Андрее был свитер с эмблемой «Зенита».

Палец Нагавкиной обвиняюще постучал по первому фото.

– Доказательство – полное фуфло. Фуфло – буквально. Я согласна. Но его оказалось достаточно с учетом того, что произошло дальше.

– Что... что же произошло?

Нагавкина развела руки в стороны.

– «Экран» закрыли. После Риги прошло дней шесть. Пришел приказ: работы свернуть, дефенсоры – сдать, сотрудников – в другие подразделения. Вы, молодежь, наверное, думаете, в советское время не было структуры могущественнее КГБ? – Сашка опустил глаза. Нагавкина кивнула.

– А как же. Застенки, допросы, абсолютная власть. Все было. Но оказалось, что существует что-то еще. Что-то выше абсолютной власти. Надмировые структуры, которые уже тогда контролировали все. Доступно?

Сашка молчал.

– А потом полыхнул пожар. Пожар – буквально. Причину так и не установили. Большинство дефенсоров, бумаг и оборудования не спасли. Очевидно, кто-то пытался замести следы. Андрея быстро убрали – перевели на Кольский полуостров. В апреле нашли его тело в заброшенной шахте. Кульчицкому-старшему передали: свалился то ли по дурости, то ли самоубился. Доступно?

Нагавкина говорила быстро, отрывисто, как дрова колола. Сухие щепки слов летели во все стороны. Сашка потер щеку, будто его царапнуло по лицу.

Наконец он спросил:

– А кто еще был в «Экране»?

– Конышев Евгений, Образов Константин, Клименко Ирина, – Нагавкина пристально посмотрела на Сашку, но он смотрел с прежним растерянным выражением. – Коллеги и друзья Кульчицких... в то время.

Нагавкина отвела глаза в сторону и добавила:

– Сейчас первые двое работают на кафедре физики в университете, где учится твоя Ксения.

– Она не моя!

Потом до Сашки дошел смысл сказанного. Он вскочил, и табуретка с грохотом упала на пол. Нагавкина не шелохнулась. Сашка поднял табуретку и остался стоять, держа ее в руках, будто забыл, что делать дальше.

– Ксения знает? А они во всем замешаны? А сейчас? – В голове теснились вопросы, Сашка дунул на некстати упавшую на глаза прядь волос. Лоб вспотел. Нагавкина подошла, спокойно забрала у него из рук табуретку и поставила ее на место. Сашка сел с потерянным видом.

– Ксения не знает. – Нагавкина вернулась на свое место. – И мы не знаем, кто из них в какой степени задействован в деле, – она поморщилась, – нет никакого «мы». Когда-то я была «мы» – легко отождествлять себя с могущественным органом власти, правда? А теперь у меня от этого самого органа власти одна пенсия осталась. Ну и опыт, что уж.

Она потрогала кулон на шее. Какой-то камешек, обрамленный металлом. Вздохнула.

– Ира Клименко не поверила в вину Андрея. Мы... я успела его допросить. Он все отрицал. Утверждал, что в тот вечер не мог оказаться в Юрмале, потому что ходил на дискотеку. Андрей был меломаном, это все знали. Я поражалась: сын Кульчицкого, астрофизик, аспирант – и такой балбес с такими интересами. Футбол, музыка, девочки... и космос. Как он все совмещал? Загадка. Но Бенцион Владимирович не держал в команде лишних, Андрюша был по-настоящему талантлив... во всем.

Нагавкина сдвинула брови.

– Андрей уверял, будто в тот вечер было уникальное событие: западный диск-жокей, впервые в СССР. В клубе «Октобрис» было много фотографов и репортеров, Андрей говорил, что вылез на сцену и почти наверняка засветился на фото. Умолял меня поднять хронику... я не успела.

Зато администратор за стойкой гостиницы вспомнила, что он спрашивал, как пройти на автовокзал. И в кассе на автовокзале подтвердили, что молодой человек покупал билет до Юрмалы. – Нагавкина смотрела на фото Андрея. – Все запомнили его улыбку и свитер. Мое расследование... в общем, я пыталась найти доказательства уже после того, как мы получили приказ все сворачивать. В Ригу сама слетала. Зачем-то. Что-то мне покоя не давало... а потом все постепенно забылось.

Она снова вздохнула.

– Думаю, Кульчицкий тоже не до конца поверил в предательство Андрея, но он вел себя тихо. А Ира подняла шум. Попыталась... поднять. Ее ликвидировали. Мы не успели предотвратить. – Пальцы Нагавкиной с силой сжали кулон. – У вас там ее плащ, наверное, лежит? – Она кивнула в сторону Ксениной квартиры.

Сашка плотно сжал губы и опустил глаза.

– Ну и не отвечай. Пусть лежит. Надо уберечь его и остальные вещи. И твою Ксению.

– Она не моя, – упрямо повторил Сашка. В кухне воцарилась тишина.

Значит, Андрей...

Сашка не хотел в это верить. Но что ему остается? Он поколупал пальцем край стола и задал еще один вопрос:

– А почему эти элиты, которые решили управлять миром, не подверглись действию облучения вместе с остальными миллиардами людей?

Нагавкина невесело усмехнулась.

– Элита, Александр, – красивое слово, которое должно обозначать людей, наделенных особыми правами и обязанностями. По положению и по нравственно-моральным качествам эти люди должны быть выше других. – Палец Нагавкиной описал круг по краю чашки. – А по факту это люди, среди которых из поколения к поколению, от династии к династии пере-

давалось знание о том, что рано или поздно Земля снова понадобится... союзникам для подпитки и процесса размножения. – Нагавкина со значением ткнула пальцем в потолок. Сашка поднял голову и уставился на аккуратную белую люстру, похожую на луну. – Чтобы запустить новый жизненный цикл, им нужно... питание.

Сашка поднес ладони ко рту и стал на них дуть, чтобы согреть. В квартире Нагавкиной было тепло, но ладони стали ледяными.

– Ты вообще как себе представляешь действие этого самого сигнала? – Нагавкина не отводила от Сашки взгляда.

– Я думал, люди просто перестают замечать очевидное, у них отключается понимание прав и свобод, – Сашка запнулся. Он вспомнил, как отец летом спокойно сообщил об установке пропускной системы на работе, а мать... он только сейчас понял, что она будто погасла за эти полгода. Раньше после работы они с отцом куда-то ходили – в кино, на выставку или в театр. Теперь она большую часть времени проводила на диване с книгой. Да и отец теперь предпочитал вечер перед телевизором любой активности вне дома.

Сашка и не заметил, когда новые привычки родителей стали нормой. В большой квартире Ноткиных каждый мог скрыться в своей комнате, а остальные даже не знали, дома он или нет. Так и вышло: с осени каждый сидел где-то в своем мире, а остальные как по волшебству утратили интерес к занятиям остальных.

Сашка скрипнул зубами. Только Клопа постоянно носилась со своими пьесами и сонатами и мечтала стать лауреатом первой степени на грядущем конкурсе.

Сашка вспомнил, как ее энтузиазм вызывал у него – летом и осенью, до того, как он стал носить, не снимая, дефенсор, – раздражение.

Нагавкина подтвердила Сашкины подозрения.

– Чем мозг моложе, тем больше сопротивляемость облучению. Чем старше человек, тем быстрее сигнал соотносится с волнами мозга, и тем быстрее человек приходит к «спящему» состоянию.

Она встала, чтобы сделать Сашке вторую порцию кофе. Он не шелохнулся.

– Сначала сигнал действовал на планету издалека, одновременно с нескольких сторон. Потом, когда под действие сигнала наверняка попали все, кто мог отслеживать активность приближающихся объектов, они то ли высадились, то ли остались на орбите, но вступили в контакт со своими людьми на Земле. – Нагавкина поморщилась. – Это произошло в начале девяностых. Я предполагаю, что их ставленники на планете получили что-то вроде дефенсоров, но из рук самих пришельцев. У элиты свои способы сохранять трезвость и работать на них в то время, как остальное население превращается в покорное стадо.

– Но зачем было так долго ждать? – Сашка глотнул кофе и поморщился. – Почему все разворачивается только сейчас, ведь прошло... сколько лет? Пятнадцать? Больше? Чего они тут отлаживали, если их сигнал и так умеет подавлять волю? И если тут все равно были эти элиты со своими штуками, то есть такое с нами уже не первый раз, то почему они вообще улетают и возвращаются? Почему сразу не превратить планету... не знаю там, в ферму, в плантацию.

Сашка вспомнил фильм «Матрица», который смотрел пару лет назад. «Люди больше не рождаются... нас выращивают» – и страшные кадры с человеческими эмбрионами на бескрайнем поле, по которому передвигаются роботы.

Люди как источник энергии. Люди как батарейки. Сашку замутило.

Нагавкина откинулась на спинку стула и взяла кружку с кофе обеими руками.

– «Экран» пытался найти ответ и на этот вопрос. У Бенциона Владимировича была теория, которую он разрабатывал несколько лет. Он копался в архивах, как библиотечная мышь, выбивал себе заграничные командировки – то в Вашингтон, то в Брюссель, то еще куда-то. А информацией делился скупой, насколько мне известно. Такой он был. Жадничал. Часть данных вставляет в табличку для доклада, а часть прикарманит, – Нагавкина погрузилась, – ты скажешь, так научная работа не делается, в команде-то. – Она поставила чашку на стол. – Я что, я вообще не физик, мое дело было – обеспечить секретность и безопасность. Кульчицкий никому не доверял. Ни коллегам, ни сыну. Меня он, считай, и не знал. Я для него была аппарат, функция. Функция – буквально. Когда пересекались, смотрел подчеркнута мимо, здоровался сухо, руки не подавал. Они, видишь, считали себя белой костью, а нас – собаками на службе режима, надзирателями. Он мне только в девяностых и доверился разок.

– «Экран» расформировали в конце тысяча девятьсот восемьдесят второго. Я жила... как все жили. Работала дальше. Об «Экране» почти забыла. Сигнал, ясное дело, помогал забыть.

Нагавкина поднесла руку к лицу. Сашка подумал, что она смахнет слезу, но она лишь с остервенением почесала переносицу.

– Он меня тогда разыскал сам. Встретились на бегу, на улице. На бегу – буквально. Я тогда не здесь жила, а на Выборгской. Бегала через мост в сторону Ботанического сада, по набережной – к Каменному, там по парку, сколько настроения хватит, и обратно. На круг километров десять. Бенцион Владимирович как-то мой маршрут разведать, выследил меня, – Нагавкина довольно ухмыльнулась. – Пристроился рядом. Я его сначала не узнала: бежит какой-то хмырь, думаю, приставать начнет. А он мне – раз – кулон в руку сует и ровным голосом говорит: «Лариса Федоровна, Кульчицкий. Вы головы не поворачивайте, бегите себе по обычному маршруту, а я рядышком побегу. За мной слезки нет, пока бегаю, давным-давно на деда рукой махнули».

На той пробежке Кульчицкий поделился с Нагавкиной своими выводами.

Он, конечно, не рассказал ей про результаты десятилетней работы. Он продолжал к ней относиться как к функции и смысл этой функции видел в одном – обеспечить безопасность. Он сказал, что продолжает работу над проектом, что у него осталась пара дефенсоров и один он отдает ей. Сказал, что в слепоте жить удобнее, но он не может позволить госмашине жить в слепоте, и раз уж судьба так распорядилась, то она, Нагавкина Лариса Федоровна, обязана защитить его внучку.

– Так и сказал, внучку? – восторженно спросил Сашка. – В девяностых?

– В девяносто шестом, – вздохнула Нагавкина. – Твоей Ксене двенадцать было, она ни про отца, ни про деда ни сном ни духом, а он уже планы строил по спасению мира с ее участием.

Сашка покраснел.

– Она не моя и вообще... – он не договорил. Нагавкина насмешливо скривилась.

– В общем, он мне – скупой, как всегда, – выдал капельку своих, так сказать, изысканий. Да, наша планета – что-то вроде инкубатора с точки зрения тех, *иных*. Но все сложно.

Нагавкина тоже смотрела «Матрицу».

Она попыталась объяснить Сашке, что происходит с человечеством.

– Понимаешь, – она подбирала слова, – есть какие-то циклы. Между посещениями Земли проходят столетия. Я тоже удивилась, зачем такие сложности – прилетать, облучать, собирать урожай и снова улетать, оставляя человечество в покое, – и Кульчицкий пытался мне объяснить. Но он сам к тому времени не во всем разобрался, а когда он чего-то не понимал, он злился. Говорил сбивчиво и скупой. Сказал только, что человеческое тело – чрезвычайно слож-

ная структура, и десятилетия, а то и сотни лет уходят на то, чтобы биохимические процессы в телах протекали определенным образом. И что этим инопланетным тварям не всякое поколение человека годится, а только с определенным биохимическим статусом, что ли. Вот они то улетают, то возвращаются, а у нас тут, на Земле, их ставленники курируют процессы таким образом, чтобы человечество развивалось в нужную сторону. Ело нужное, делало нужное, даже думало и чувствовало в нужную сторону, ты понимаешь?

Сашка помотал головой.

– Вот и я не поняла. Но Кульчицкий сказал, что мне и не надо. Он мне дал кулон, – она поднесла руку к груди, – назвал имя внучки и сказал, чтобы я за ней приглядела, когда она объявится в Петербурге. Если с ним что случится.

Нагавкина встала и начала ходить по кухне взад-вперед. Она шагала ровно, прямо держа спину. Раз, два, три, четыре, пять шагов. Разворот. И обратно. Шаги были одинаковой длины, разворот совершался с филигранной точностью в одном и том же месте, будто Лариса Федорвна повторяла привычный ритуал.

– Я переехала сюда пять лет назад, – продолжила она рассказывать, – сделала все возможное, чтобы Кульчицкий меня не узнал. Думала, дура старая, что он у меня теперь всегда будет под присмотром. Орала как оглашенная, чтобы весь подъезд от меня шарахаться начал. Шарахаться – буквально.

Сашка невесело усмехнулся, вспомнив Ксенины стычки со Страшилой.

Ксения.

Он вскочил. Нагавкина остановилась и в упор посмотрела на него снизу вверх.

Сашка нетерпеливо взмахнул руками.

– Так пойдете! Она же там! Одна! У нее остались дефенсоры, ну, плащ например. – Сашка лихорадочно соображал. – Вы подержите Ксению, а я накину плащ. А потом мы ей все расскажем. И она придет в себя.

Нагавкина вздохнула.

– И что вы, Александр, собираетесь рассказать? Детали предательства ее отца? Прошло всего пара часов, как она о нем узнала и пережила потрясение. Она едва не порвала карточки, она уничтожила один из дефенсоров! Вы хотите, так сказать, ее доконать? – Нагавкина говорила с убийственной вежливостью. – Не исключено, что после нашего триумфального появления и после вашей пламенной речи Ксения завершит начатое. А именно – порвет перфокарты и бросит нам в лицо. Порвет – буквально. И ее в какой-то степени можно понять. Ее эмоциональный статус оправдает подобные действия. Доступно?

В Сашкином желудке провалилось дно. Он пошатнулся и приземлился обратно на табуретку.

– И ч-что делать? – Он едва выговаривал слова.

Нагавкина продолжила движение по кухне. Раз, два, три, четыре, пять. Разворот.

– Нужно прийти к ней с результатом. С позитивным результатом. Вы, Александр, должны принести в зубах хотя бы какие-то ответы и хотя бы какие-то доступные решения. И не просто скручивать Ксению и набрасывать на нее плащ, – Нагавкина насмешливо покосилась на Сашку, – а рассказать, что именно и как мы собираемся делать с карточками.

– А что с ними делать-то?!

Раз, два, три, четыре, пять. Нагавкина остановилась.

– С ЭВМ дело имели?

Сашка потупился.

– Ничего древнее компакт-диска в руках не держали? – Она продолжила шагать. – У меня на глазах несколько поколений этих ЭВМ сменились. Поколений – буквально! Последняя такая машина как раз у Кульчицкого в Пулковое стояла. Уже нормальные компьютеры появились, оборудование в корпусах сменили, а он за своего монстра держался. Мне, говорил, надо.

Из ностальгических соображений. В восемьдесят втором их выпуск совсем прекратили, но, как видишь, закодировать что-то Бенцион Владимирович успел. Может, там его хреновина до сих пор и стоит.

Сашка вспомнил, что не давало ему покоя.

– Зачем перфокарты? Почему он не мог передать Ксене информацию другим образом? Диск, в конце концов... эти, как там, дискеты? Бумажку, может, от руки написать? Он же надеялся, что она рано или поздно приедет в эту квартиру и найдет его послание. Зачем такие сложности?

Нагавкина резко остановилась и повернулась к Сашке.

– Во-первых, на некоторые носители можно повлиять, скажем так, с расстояния. Дистанционно. Доступно?

Сашка только поднял на нее покрасневшие глаза. Майор вздохнула.

– Повлиять – буквально. Электромагнитным импульсом. – Она сделала рукой такой жест, будто во что-то целилась. – Бах – и стерли данные. Даже в квартиру заходить не надо.

Сашка присвистнул.

– А ты думал. В век развитых технологий живем, – она поморщилась, – ну так, недоразвитых, конечно, но на это силенок хватило бы. Во-вторых, перфокарты ему было проще вынести из Пулково. За ним знаешь как там следили? Диск или флешку он бы не вынес. А перфокартами у них там все шкафы завалены с советских времен – используют как закладки. Вот и таскал по одной, видимо. В книгах, журналах. В-третьих – и в-главных. Информацию с перфокарт ты не прочитаешь абы как и абы где, и Кульчицкий наверняка это понимал, когда оставлял их внучке. – Нагавкина наставила на Сашку палец-пистолет: – И твое дело теперь – выяснить, как и где. Доступно?

Сашка свернул на Лиговский проспект.

За время прогулки по кладбищу и по полутемным улицам он снова прогнал в голове тот ночной разговор.

С тех пор прошло три недели. Три пустых недели. Нагавкина оставила ему визитку, чтобы он звонил в случае чего. Сашка учился, гулял, ел, читал. Еда казалось пластиковой, прочитанные книги – тоже, про учебу и говорить не приходилось. Он то и дело порывался позвонить Ксене, представлял ее отстраненный голос, и у него начинало свербить в носу от раздражения. Он успокаивался, снова брал в руки телефонную трубку и... снова клал ее на место, не представляя, с чего начнет разговор.

Сашка пересек сквер и направился к дому. Прогулка по кладбищу все-таки возымела свое действие: он наполнился решимостью. Нужно действовать.

Коньшев и Образов – физики, которые знали деда и отца Ксени, теперь работают на кафедре медвуза. Что ж, можно начать хотя бы с них.

Сашка захлопнул за собой тяжелую дверь за минуту до начала комендантского часа и понесся вверх, перепрыгивая через ступеньки.

Глава 3

Кирпич

Санкт-Петербург, январь 2005 года

«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить, – прочитала Ксения. – Главный принцип биоэтики, так называемый принцип Благоговения перед жизнью, основанный на формуле А. Швейцера». Она закрыла учебник и уставилась в окно.

Уже рассвело, автобус плелся в пробке по Большой Пушкарской улице. Ксения ехала ко второй паре – староста с утра сообщил о том, что преподавательницы латыни не будет.

«Жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить», – повторила про себя Ксения и провела пальцем по запотевшему стеклу. Автобус подъехал к очередной остановке, и темные силуэты снаружи приготовились атаковать входные двери. И это тоже – жизнь, которая хочет жить среди жизни.

Со второго семестра к учебному расписанию добавились биоэтика, гистология, информатика и некие «математические основы доказательной медицины», лекция по которым пока дважды переносилась из-за болезни преподавателя. Ксения боялась этих «основ», потому что подозревала, что это будет что-то вроде статистики – предмета, внушавшего ей ужас. Скручивающий нутро ужас, без всякого благоговения или уважения. Числа, данные, насекомый шелест страниц, точные расчеты и ряды безжалостных цифр – вот что такое эти «основы». Ну их.

Биоэтика Ксению тоже раздражала, но она пока не понимала, чем именно. Она провела пальцем по треснувшей глянцевой обложке учебника. Как бы автор ни старался использовать сухие казенные слова во вступлении, он не сдержал восторженной нежности, почти сюсюкания, говоря о жизни.

Автобус мягко напрягся и тронулся с места. Жизнь заполнила свободные места, кто-то бубнил в телефонную трубку, на другом конце автобуса плакал ребенок. Ксенин взгляд скользнул за окно, где промелькнули сквер, памятник, дом. В каждом доме – окна квартир, где живут люди. Жизнь среди жизни. Что царапает ее изнутри, откуда тревожное ощущение, будто она забыла что-то важное? Ксения снова уставилась в учебник.

«Сократ считал, что никто не делает зла по своей воле».

Далее следовали принципы деонтологии. Деонтология, от греческого deon, «должен», – это и есть медицинская этика, изучающая нормы морали и нравственности, нормы взаимоотношения врача и пациента. Врач должен... пациент должен...

Ксене не нравилось слово «должен», когда речь заходила об отношениях людей. Сформулированные мертвыми греками нормы преподносились как единственно верные, но что, если мертвый грек или автор учебника ошибается? Как нащупать нормы в отношениях не только с пациентами, но и с остальными людьми вокруг? По каждому спорному вопросу лезть за подсказкой к грекам?

Ксенин взгляд зацепился за фразу «по благословию Святейшего Патриарха Алексия II при Московской патриархии был создан Церковно-общественный совет по биомедицинской этике». Ну конечно, без церкви никуда.

Ксения вздохнула и затолкала учебник в сумку. Скоро выходить. Через проход стоял тощий мужичок в грязной рубашке и брюках с расстегнутой ширинкой. От него разило перегаром, он, казалось, прислонился к окну, чтобы тонкая шея не надломилась под тяжестью несоразмерно большой головы. Глаза смотрели бессмысленно, рот был разzyвлен в кривой ухмылке.

Ксения брезгливо отвернулась. Если бы взгляд можно было протереть влажной салфеткой, испачкавшись, она бы сейчас сделала это с удовольствием. Очевидно, что никакие правила этики, что бы там ни формулировали мертвые греки или попы с золотыми крестами на груди, не распространяются на подобных... существ. Жизнь, конечно, хочет жить среди жизни, но должна же быть разумная граница, определяющая само понятие живого?

Мягкий голос объявил следующую остановку. Ксения прижала сумку к груди и стала осторожно протискиваться между людьми. Ей пришлось пройти рядом с большеголовым мужичком, и она задержала дыхание.

Ксения постаралась выкинуть мысли о греках, патриархах и деонтологии из головы и сосредоточиться на по-настоящему важных вещах.

По-настоящему важным был «кирпич».

Так студенты-первокурсники назвали сочетание двух пар – анатомии и гистологии – в один день. Если осенью им казался невысказанным объемом знаний, который они должны зубрить на анатомии, то с января к невысказанному объему прибавился еще один, такой же.

В первый день после каникул они пришли на пару по гистологии.

– Гистология – это ткани, а ткани – это поэзия, – такими неожиданными словами начала лекцию Эльвира Анатольевна. Она была худенькой, невысокой и больше напоминала учительницу танцев, чем человека, который спокойно рассуждал о нарезании тканей человеческого тела на тонкие слои при помощи микротомы.

– Да, поэзия, – руки Эльвиры Анатольевны описали плавную дугу, словно она собиралась присесть перед студентами в плие. – Вы сможете это почувствовать, если усвоите основы. Клетки заговорят с вами. Гистология, душеньки мои, – основа жизни и в то же время основа смерти, потому что без гистологии никто не поймет, по какой причине умирает человеческое тело. Мы работаем на границе жизни и смерти, мы лирики и практики одновременно. Лечащие врачи могут считать себя всемогущими, но без гистолога они слепы и беспомощны. Вот что такое гистология, душеньки мои. Ответ на главный вопрос жизни, Вселенной и всего такого.

По аудитории пронесся нервный смешок: половина студентов опознала цитату из Дугласа и смотрела на новую учительницу с одобрением, вторая половина студентов оторопела и не спешила с выводами.

Эльвира Анатольевна была женщиной без возраста.

Иногда она казалась девочкой, иногда ее лицо вдруг шло трещинами-морщинами, как старое зеркало, и перед собеседником возникала пожилая дама. Балерина-пензионерка. Большие глаза смотрели настороженно, словно она от каждого ждала ответа на какой-то тайный вопрос. Вопрос жизни, Вселенной и всего такого. Наверное, она и в микроскоп смотрит с таким же видом и от препаратов тканей так же ждет, что они раскроют перед ней все секреты.

К студентам, вне зависимости от пола, Эльвира Анатольевна обращалась «душенька».

После первой лекции, на которой она в течение полутора часов рассуждала о поэзии и месте гистологии в иерархическом ряду медицинских наук, первокурсники расслабились и решили, что новый предмет не так страшен, как им пророчили товарищи со старших курсов. Но с практического занятия группа А первого курса факультета «лечебное дело» вышла в полном составе с отметками «неудовлетворительно».

– Душеньки, – мягко пела Эльвира Анатольевна, – в гистологии, как и в поэзии, без уважения нельзя. В мире не должно быть плохих поэтов и плохих гистологов, усвойте это.

Первокурсники постарались всерьез подойти к изучению гистологии, но пока успеха в этом достигли немногие. Оказалось, что гистология, как и поэзия, бездонна и непостижима, а Эльвира Анатольевна, в движениях и интонациях мягкий человек, – не преподаватель, а зверь. За неделю никто из группы А не получил четверки, не говоря уж о пятерке. Тройки заработали Ксения, рыжий Лех и Инка Аветян, а всем остальным Эльвира Анатольевна продолжала ставить «неуд».

«Кирпич» в расписании стоял раз в неделю, и ощущение от этого дня действительно было сродни тому, какое испытываешь, получая по голове трехкилограммовым куском красной глины.

Гистология у Ксении ассоциировалась с розово-фиолетовыми оттенками окраски препаратов, и когда по понедельникам она проваливалась в сон, перед глазами плыли неровные ряды клеток. Эльвира Анатольевна и в одежде предпочитала разные оттенки фиолетового, словно подчеркивая верность выбранной научной стезе. Она умудрялась вносить в казенную стерильность аудиторий что-то нежное – то накидывала боа из перьев цвета фуксии, то оставляла на спинке преподавательского кресла вязаную шаль. В аудитории, в которой она проводила занятия, к запаху пыли и бумаги примешивались запахи болгарской розы и жасмина.

Сегодня Ксения пришла первой, хотя до начала занятия оставалось всего пять минут. Рыжий Лех вбежал следом, бросил в угол дипломат, накинул халат и плюхнулся на стул рядом. Еще через минуту в аудиторию ввалились с гвалтом и хохотом несколько однокурсников сразу.

Оксанки среди них не было. Она пропустила уже два практических занятия по гистологии – Ксения не знала, по какой причине. Когда староста сел на свое место, Ксения отодвинула микроскоп и наклонилась к нему.

– Макс, – громким шепотом позвала она, – а ты Нехай звонил с утра по поводу отмены латыни?

Макс кивнул, торопливо застегивая пуговицы на халате.

– Вроде она это... как раз проснулась. Как будто и не особо собиралась к первой паре. Но сказала, что «кирпич» не пропустит, у нее и так уже две отработки по гисте.

Ксения обернулась на скрип входной двери. Эльвира Анатольевна вошла в аудиторию ровно в одиннадцать, будто она стояла за дверью, глядя, как секундная стрелка заканчивает движение по циферблату.

– Доброе утро, душеньки, – мягко уронила она, – приступим.

Эльвира Анатольевна не проводила переключку: с первого дня она запомнила каждое лицо и каждое имя. Ей было достаточно одного взгляда с порога, чтобы понять, кто отсутствует на занятии.

– Ксения Андреевна, прошу, – Эльвира Анатольевна пригласила Ксению за микроскоп. – Определите, пожалуйста, какой перед вами препарат из тех, что мы изучали на прошлом занятии.

После окончания пары Эльвира Анатольевна коротко кивнула и вышла. Ксения приложила ладони к щекам. Лицо почему-то было холодным, как будто собственные клетки Ксениного тела вырабатывали недостаточно тепла. Как там называется способность человеческого тела поддерживать постоянство внутреннего состояния – гомеостаз? Сегодня Ксения чувствовала себя ящерицей, которой необходимо полежать на солнце, чтобы согреться.

Почему нет Оксанки? На следующем занятии – контрольный урок по цитологии с эмбриологией, Эльвира Анатольевна попросила Макса передать отсутствующим, что к кон-

трольному уроку она допустит только студентов без отработок. Значит, Оксанке нужно до четверга сдать Эльвире Анатольевне уже три занятия. Это пятьдесят страниц учебника и пятьдесят шесть препаратов.

Как Оксанке успеть все выучить? Ксения раздраженно заталкивала в сумку объемный учебник, который никак не желал вставать на место, задела локтем микроскоп и в последний момент поймала его у края стола.

С чего она разнервничалась? Бывшая подруга сама не пожелала с ней мириться. Какое ей теперь до нее дело?

Ксения спустилась на кафедру анатомии и повернула налево. Ее встретили привычные запахи формалина и металла, гул голосов – акустика в залах со здоровенными потолками была великолепная. Ксения всем телом нажала на тяжелую дверь и зашла в аудиторию.

Оксанка сидела на своем месте у окна, отвернувшись от входной двери.

Ксения испытала мгновенное облегчение, природу которого сама не поняла. Что могло случиться с Оксанкой? Прогуляла, дурища, как всегда. Наверное, после звонка Макса случайно уснула и проспала гистологию. Ксения рванула вперед от входной двери, ноги сами понесли ее к окну, к подруге.

– Оксан! – Имя еще звучало в воздухе, Оксанкина голова еще только начала поворот, как Ксения вспомнила, что они в ссоре. Но странная тревога и не менее странное облегчение оказались сильнее рациональных доводов мозга.

– Ты где была? Эльвира Анатольевна не допустит на контрольную без отработок. – Ксения наконец перевела дух и остановилась. Она растерянно поставила сумку на парту перед Оксанкой. Теперь поздно отступать и делать вид, что ей все равно.

– Я волновалась, – тихо, но твердо сказала она.

Оксанка подняла на Ксению глаза и просияла.

– Нецветай! Ты – за меня? – Не успела Ксения опомниться, как оказалась в пушисто-мохерово-приторных объятиях. Оксанка прижала ее к себе, и Ксения вдохнула сладкий запах. Шерсть щекотала нос. Ксения почувствовала, что сейчас чихнет или заплачет. Или чихнет и заплачет одновременно. Она опять вспомнила статью про сколько-то необходимых человеку объятий и почувствовала одновременно злость и облегчение.

Сколько дней она ни с кем не обнималась?

Ксения всхлипнула.

– Ну, сейчас соплями меня измажешь, – протянула Оксанка, отстраняясь. Ксения заметила, что глаза у нее увлажнились и на правом глазу черная тушь предательски слиплась комочком.

Оксанка небрежно провела пальцем под веком.

– Не хотелось идти, – зевнула она. – Не парься, я сегодня к ней поднимусь и все сдам. – Она потянула подругу за рукав, и Ксения села рядом. – Как каникулы? Плесенью покрывалась? – Оксанка деловито обшарила Ксению взглядом, будто и вправду искала на одежде следы плесени. – Отдыхала? Гуляла?

Ксения снова приложила ладони к щекам – второй раз за утро. Щеки потеплели и, наверное, покраснелись. Ладони тоже стали мягкими, теплыми.

Человеческими.

Да ведь она толком и не помнит, как провела каникулы. Как будто поставила жизнь на паузу и залезла в камеру губернии на космическом корабле. И проснулась вот только что, в объятиях Оксанки.

Оксанка, не дожидаясь ответа, уже щебетала, вывалив на парту содержимое сумочки. Она тыкала пальцем в полароидные снимки. На многих фото Оксанка была в умопомрачительных нарядах и при «боевом» макияже, но Ксенино внимание привлекла пара снимков, сделанных, видимо, дома. Оксанка что-то месила в большой миске – руки по локоть в тесте, щеки в муке, волосы растрепанные. Оксанка подбрасывала вверх младенца, младенец хохотал.

Ксения не могла отвести взгляда от этих снимков. Оксанка была в домашнем синем платье – оно ей чрезвычайно шло.

– Лизка снимала, сестра, – пояснила Оксанка, – мы пельмени лепили. А это младшая, Буся. Она Маришка, но все ее Бусинкой зовут. – Она нетерпеливо вырвала у Ксени домашние снимки и снова подсунула те, на которых вокруг нее толпились какие-то ребята. – А вообще я в основном не дома тусовалась, – Оксанка повела плечом, – клубы, вечеринки. Игорь там такой, – она подмигнула, – я же не всерьез про него думала, когда поступать уезжала, а он, прикинь, ждал. А Валерка и Серый сгинули куда-то, я не уточнила, вроде свалили из города. А вообще страшно подумать, что было бы, если бы меня все трое дождались. – Она расхохоталась. А потом вдруг посерьезнела.

– На самом деле, ерунда это все. Если бы мне нужно было кого-то ждать... – она отвела глаза от Ксени к окну. – Я бы Васика ждала. Но он и не звонил с тех пор, прикинь.

сгинули куда-то

Что там Оксанка говорит? Про какого-то Игоря? Васика?

Ксения вздохнула. Подруга неискрава, но как ей, оказывается, не хватало всего этого – голоса, ярких цветов, приторного запаха ванили.

– А что малахольный твой? – спросила Оксанка, – шлындрает, строит из себя... всякое?

Она широко улыбнулась, показывая подруге, что больше не имеет никаких видов на «малахольного».

– Ты это... короче, не в обиду, хорош? Я не виновата, что мужики с меня текут, как пачка масла на солнцепеке. Я ничего такого специально больше делать не буду, мне твой кучерявый не сдался. Мир?

Ксения посмотрела на дерево за окном. Солнце выглянуло из-за туч и залило аудиторию неуместно ярким светом.

– Я с ним... не общалась. Давно.

Оксанка распахнула глаза.

– Посрались, что ли? – Грубое слово прозвучало громко и в то же время мелодично, как умела только Оксанка. Однокурсники оглянулись, кто-то хихикнул, но Ксения не успела ответить: вошла Ольга Николаевна. Рыжий Лех громыхнул по парте жестяным подносом.

– Доброе утро, – сказала Ольга Николаевна. – Алексей, будьте добры, расскажите нам про топографию печени.

– Печень, herag, является самой крупной железой в теле, – затараторил Лех. Он говорил быстро и уверенно, но его уверенность не зависела от степени подготовки. Лех смотрел ясными голубыми глазами, никогда не молчал, если его вызывали, и нес любую ерунду в расчете на то, что преподаватель пропустит большую часть сказанного мимо ушей.

Ольга Николаевна слушала внимательно.

Пока Лех вдохновенно гнал что-то – вроде бы, недалекое от правды – про правый купол диафрагмы и связки, поддерживающие печень, Ксения бросила осторожный взгляд на Оксанку. Та безмятежно разглядывала пальцы, подставляя их солнечным лучам. Алые ногти отбрасывали микроскопических солнечных зайцев.

Ксения стала думать про Сашку.

Она вспоминала, как выгнала Сашку на улицу во время комендантского часа. Он тогда перегнул палку: хотел, чтобы она не просто разрешила ему участвовать в разборе дедовых вещей, он хотел от нее чего-то большего. Ксения поморщилась. Она тогда злилась и кричала обидные слова. Кажется, Сашка украл у нее какие-то дедовы бумаги. Странно. Не так много времени прошло с тех пор, а воспоминания уже подернуты пеленой, под которую непросто заглянуть. Да и не хочется.

Первые дни после ссоры она много думала про Сашку, хотела ему позвонить. Один раз она даже сняла телефонную трубку и постояла, слушая длинный гудок. Потом вспомнила, как снисходительно Сашка к ней относился и как в конечном счете ее использовал. Приходил, когда хотел, готовил, ел на ее кухне, кормил ее кота и рылся в ее вещах. Ярость снова поднялась в ней, она грохнула трубку на место и выдернула провод из телефонной розетки. Через несколько дней ярость утихла, она вернула провод на место. Телефон молчал.

Ксения знала, что все закончилось.

Так всегда бывало, так будет и в этот раз. Люди вокруг не хотели с ней дружить. Она столько успела выболтать Сашке... и о Никите, и о матери. А он думал только о том, как запустить лапы под юбку ее фигуристой подруге и как запустить лапы в ее, Ксенины, семейные тайны. Наверное, сейчас сидит где-то и рассказывает друзьям – той певунье-однокурснице и остальным, – что отмороженная медичка чуть не расцарапала ему морду. А певунья его утешает, мол, Сашхен, не парься, они там все долбанутые – столько времени в морге проведешь, сам небось крышей поедешь.

Ксения стиснула пальцами пенал. Пальцы побелели. Оксанка ничего не замечала, сосредоточившись на ногтях. Кажется, она целилась солнечным зайчиком в глаз Леху, правда зайчик был такой маленький, что Лех только раз моргнул.

Ну его, Сашку.

Пустота внутри, которую нечем было заполнить в тягучие январские дни, сейчас налилась теплом и светом. Солнечный зайчик пробежал по ее ладоням, и она ослабила хватку. У нее есть учеба, работа, дом... подруга вот.

Ксения сглотнула. Личная жизнь устроится. Со временем. Она, конечно, не будет торопиться, как Оксанка. Да сейчас и не до того, надо вкалывать, надо сдать летнюю сессию без троек, чтобы не потерять нормальную стипендию, надо... надо сапоги себе купить, вот что!

Ксения наконец разжала руки и выпустила пенал. Точно. Сегодня же она пойдет и купит себе нормальные сапоги на остаток зимы. Ей надоело ходить с мокрыми и озябшими ногами. Она вспомнила свои теплые непромокаемые сапоги в прихожей... дома.

Рядом с сапогами сестры. Полины.

Помотала головой.

– ...Нецветай! – повторила Ольга Николаевна громче и явно не в первый раз. Ксения вздрогнула. – Проснитесь, пожалуйста. – По аудитории прошелестел смех. – Расскажите нам о vesica fellea. – Ольга Николаевна сделала приглашающий жест.

Ксения встала.

– Желчный пузырь, – начала она, – расположен на висцеральной поверхности печени.

Она говорила, слова текли ровно – она хорошо выучила материал, – а перед глазами почему-то все стояли и стояли изящные Полинины сапожки.

Глава 4

Полина

Санкт-Петербург, январь 2005 года

Ксения могла бы завидовать внешности сестры.

Ксенины рост и худоба выглядели как искажение правильных пропорций, как ошибка в вычислениях проектировщика человеческих тел. Она была плоской там, где надо быть помягче и покруглее, и слишком заметной там, где можно обойтись меньшим количеством сантиметров.

Полина очаровывала с рождения.

Черноглазый пухлый младенец с ямочками на щеках превратился в девочку с бездонными глазами, а потом – Ксения не успела заметить, когда это произошло, – девочка стала девушкой с длинной косой, тонкой талией и бедрами, которые через пару лет обещали обернуться так называемым «пышным станом». Характерный нос с горбинкой, намек на пушок над верхней губой, крошечная родинка в углу рта – наследство от отца-армянина. От матери Полина унаследовала хрупкое телосложение и молочно-белую кожу. У нее были маленькие ладони и маленькие стопы. Ксения носила тридцать девятый размер уже в восемнадцать лет. Каждый вечер она ставила свои «дутики» рядом с сапожками сестры, которые смотрелись как экспонат музея кукольной обуви.

Она могла бы завидовать изящным движениям сестры. Полина не ходила, а скользила по помещению, в то время как Ксения постоянно натыкалась на острые углы и впечатывалась в дверные косяки.

Она могла бы завидовать Полининому музыкальному слуху.

Когда мать пела колыбельные, маленькая Полина гукала, смешно растопыривая пальцы.

Руслан смеялся:

– Попадает, Лен, она в ноты целится – и попадает, слушай-ка!

С полутора Полининых лет ни у кого не оставалось сомнения, что она получила в наследство от отца абсолютный слух. Полина подражала любому звуку, она выхватывала ноты из окружающего пространства, как галчонок выхватывает еду из клюва матери-галки.

Когда Полина – еще в старшей группе детского сада – впервые взяла в руки микрофон, она выглядела так, будто родилась с ним в руках. Ее хриловатый детский голосок обладал магнетическим действием. В школьные годы она стала абсолютной звездой всех мероприятий.

Ксения могла бы завидовать Полининой популярности.

Полину отдали в музыкалку – на фортепиано, потом на скрипку, потом на домру – не потому, что она бросала один инструмент за другим, а потому что хотела перепробовать все. К сожалению, в сутках по-прежнему было всего лишь двадцать четыре часа, и девочке пришлось ограничиться тем, что она могла успеть. К девяти она бегло играла на пианино, а в качестве второго инструмента выбрала гитару. А еще она пошла на вокал.

В начале нулевых матери по знакомству помогли перейти на службу в Мурманскую таможню. В семье стали появляться деньги, а на полках магазинов – товары, которые девочкам раньше видеть не доводилось. Ксене было почти шестнадцать, а Полине тринадцать, когда мать стала брать их в торговый центр «на шопинг». Когда она с наигранным энтузиазмом предлагала

«пройтись по нашим, женским делам», Ксения чувствовала себя лишней. Она выбирала одежду, которая была ей необходима. Практичные теплые штаны, свитер. Парку, шапку. Хлопковые трусы, которые – Ксения точно знала – прослужат долго. Она смотрела на полки с девичьими кружевными штучками, и взгляд скользил поверх красно-фиолетово-кремовой роскоши, как будто внутри нее стоял встроенный фильтр на восприятие красивых вещей.

Полина проплывала по рядам с «женскими штучками» с таким видом, будто кружева носила с рождения. А ведь у нее только-только начала расти грудь, что там той груди – на два крошечных кулачка, – а она уже снимала с вешалки что-то воздушно-лиловое, дорогое и изысканное.

В пятнадцать Полина начала просить деньги на «ноготки» и ходила с подружками «делать брови». Ксения не понимала, что такое эти ногти и брови, – у нее тоже есть ногти и брови, от природы нормальные, и ей в голову не приходило их улучшать.

Полина возвращалась, взмахивала густыми волосами, улыбалась краешком рта, и соседские мальчишки спотыкались, роняли портфели и врезались друг в друга.

Ксения могла бы бояться, что Никита увидит, какой цветок распускается рядом с ней.

Но Никита – большой, надежный Никита – гладил выпирающую Ксенину ключицу и прикасался теплыми губами к уголку ее нелепого рта.

– Сестра у тебя будет – отвал башки, – шептал он и кивал на окно, за которым будто невзначай бродили, пиная мяч, мальчишки, – для всех. Кроме одного, – он смеялся и щекотал ей шею, – кроме од-но-го.

Ксения могла бы завидовать тому, что у Полины не было избранника. Что ей не пришлось встречать его с войны, скользить, спотыкаться взглядом о ребристую поверхность ящика. Все в городе знали, что такое «груз 200», никто не хотел его увидеть собственными глазами. Ксения думала, гроб будет сверкать: она представляла себе огромную алюминиевую коробку.

Первый вопрос, который она задала сопровождавшим Никиту в аэропорту:

– Почему деревянный?

Первый и последний, самый нелепый, самый неуместный вопрос. Рядом взвыли мать и бабушка Никиты, ее собственная мать крепче перехватила ее локоть. Вьюга тоже взвыла, ветер швырнул ей в лицо что-то твердое, колкое, будто отвесив пощечину за святотатство. Офицер без лица – до глаз закутанный черным шарфом – зачем-то пустился в пояснения:

– Понимаете, цинк там внутри, не волнуйтесь, он обшит материалом со всех сторон.

Ксения могла бы завидовать тому, что Полина никогда не встречала рейс с деревянно-цинковыми гробами и не задавала дурацких вопросов безлицым офицерам.

У Ксени было много причин завидовать.

Но по-настоящему она завидовала только наличию отца.

В детстве Полина обладала безотказным средством позлить старшую сестру. Руслан съел от них, когда Полине было два годика, а лет с шести она уже разобралась в сложных семейных делах, чтобы во время любой ссоры обезоруживающе улыбнуться и заявить:

– А у меня зато есть настоящий папа.

«Настоящий» папа выпрыгивал, как джокер из колоды карт, в любой ситуации. Ксения в ответ не могла предъявить ничего. Мать сжимала тонкие губы, отводила глаза и твердила только, что Ксения появилась в результате случайной однократной связи. Нет, она не сохранила контакта с этим мужчиной, он был в Мурманске проездом.

Недосказанность, неопределенность, несправедливость – рыхлые «не» крупными хлопьями болтались в Ксене на протяжении всего детства, чтобы к юности осесть черным ядовитым конденсатом. Ксения чувствовала себя дурацким ежиком из детской песенки – тем, что с дырочкой в правом боку. Через дырочку вытекал черный яд, пока по капельке, пока почти незаметно.

Никита помогал Ксене сцеживать яд, с ним рядом Ксене было легче дышать. Она смотрела на мать другим взглядом – извне собственной семьи – и видела усталую женщину с изможденным птичьим лицом. Ей не в чем было обвинять эту женщину, но она могла ее любить и жалеть. Она приходила из школы – Никита нес ее портфель, шагал рядом – его шаг за ее два, – держал ее ладонь большой теплой рукой. Короткий день сменялся сизыми сумерками, Полина в комнате подпевала патефону, Никита помогал Ксене лепить пирожки с креветками, вечером мама возвращалась с работы. Они с Никитой в четыре руки стягивали с матери сапоги.

– Никита, остаешься на ужин, – говорила мать утвердительно и бесцветно.

Никита разводил руками и улыбался, Ксения прижималась к его груди, к его мохнатому старому свитеру, от которого пахло креветками, и чувствовала, как зарастает в боку маленькая дырочка, как хищные черные «не» становятся блеклыми и едва ощутимыми.

В жизни матери было столько «не», что часть их досталась Ксене в наследство.

Но у нее будут сплошные «да», она знала точно.

Она не какая-нибудь *прошмандовка* – нехорошее слово Ксения услышала однажды во время бурной соседской ссоры и теперь иногда шептала его вслух в темноте, – у нее обязательно будет муж, у ее детей будет настоящий папа.

После гибели Никиты и после того, как Ксения выбралась из бесцветного ничто, в котором она просуществовала несколько месяцев, черные хищные «не» заполнили ее нутро, они рвались наружу через дырочку – дыру – в боку, и Ксения перестала сдерживаться.

Она попробовала обидеть сестру, и у нее получилось.

Однажды в ответ на безобидный щебет Полины про папочкины планы прикупить новую резиновую лодку Ксения с чувством, удивившим ее саму, пожелала Полининому папе получить в новую лодку пробоину аккурат посреди *зеркальной глади* Онежского озера.

Полина запнулась на полуслове, ее лицо пошло некрасивыми алыми пятнами, и она выскочила из комнаты.

Ксения научилась наносить точные безжалостные удары. Раз, два. Полина терялась, редела, кидалась на нее с кулаками, жаловалась матери. Мать попыталась урезонить Ксению, но та холодно парировала:

– У меня-то отца нет, я просто предупреждаю твою младшую дочь, что отцы – дело непостоянное. Мало ли что случится. Вдруг помрет или свалит в Новую Зеландию.

Полина перестала упоминать отца при Ксене.

Но Ксения все равно чувствовала его присутствие в жизни сестры: когда Полина сидела в коридоре на корточках с телефонной трубкой, накручивая провод на палец, по голосу было слышно, что словесный поток адресован не школьной подруге.

Ну а потом случился РАЗГОВОР.

Ксения узнала, что у нее тоже есть настоящий отец. Был. Она обрела отца и вместе с его именем – махом, так нельзя, так не делают, нет, зачем – на нее обрушилась еще одна смерть. Ей было всего двадцать лет. Человек в двадцать лет не должен, не может принимать на себя груз чужой смерти. Чужих смертей.

Ксения пулей вылетела из привычной жизни, не обернувшись.

Она прыгнула в поезд и под стук колес в течение суток думала о том, что оставляет смерть позади. Там, где иногда тонут корабли и подлодки, там, где заканчиваются железнодорожные нити – сиротливой зеленой бусинкой Мурманского вокзала. Там, где то слишком темно, то слишком светло. Там, где стыло, безнадежно, безжалостно. Там, где смерти самое место.

Ксения ехала в город, о котором не знала ровным счетом ничего, кроме того, что пишут в книжках и показывают по телевизору. Она была в Москве – два раза, с матерью и сестрой и на школьной экскурсии. Она несколько раз была в Крыму. Но Петербург оставался для нее *terra incognita*, и несмотря на мрачные описания улиц у Достоевского и Гоголя, она представляла себе его залитым светом, огромным прекрасным городом вроде острова Утопия, где все носят светлые одежды, где мало снега, где много библиотек из стекла, металла и дерева, где можно выбрать любой университет и любое место работы, какое тебе взбредет в голову, где живет человек, в чьих жилах течет ее кровь – и ее отца. И этот человек теперь будет жить вечно, потому что Ксения оставила смерть позади, обманула ее. Больше никаких гробов – ни цинковых, ни обычных. Хватит.

Ксения сидела в кресле, поджав ноги к подбородку.

Парсек дремал, протиснувшись между ее бедром и подлокотником кресла, смешно свесив заднюю лапу. Ксения гладила кошачью спину и вспоминала первые дни после смерти деда.

Выходит, ей не удалось пережить смерть. Она будто несет в себе ее зародыш. В Ксении, в ее природе есть нечто несовместимое с другими людьми. Андрей Кульчицкий зачал ее – и погиб. Никита полюбил ее – и погиб. Дед познакомился с ней и... Ксения запустила пальцы в кошачью шерсть. Хорошо, что она уехала из дома. От женщины с лицом нервной птицы и от полусестры, которая грезит романсами и рыбалкой и у которой, конечно же, впереди большая и светлая жизнь.

Она увезла смерть с собой в город, который оказался не таким светлым и простым, как ей виделось издалека. Остров Утопия с чистыми тротуарами, стеклянными башнями библиотек, старинными университетами, береговым гранитом никогда не замерзающей реки ушел на дно. Вместо него перед Ксенией начинал проявляться настоящий Петербург. С лабиринтами улиц, мрачными дворами с запахами собачей шерсти и мочи и – рядом – с приоткрытыми дверцами кафе, из которых пахнет горячими пышками и кофе. С тротуарами, которые никто не в силах вычистить от снега и льда и которые превращаются то в непроходимые сугробы, то в каток... и в то же время на которых во время оттепели скапливается вода, а в воде отражаются шпили и башни, и в зазеркалье проявляется второй город, во сто крат красивее реального. Да, это Петербург Достоевского и Гоголя, но это и Петербург из книги Алексея «Зеленые берега», Петербург Бродского, Пушкина, Ахматовой, Блока, ее, в конце концов, Ксенин Петербург.

Ксения продолжала нести в себе смерть, но глядя в глаза случайным прохожим, она почему-то успокаивалась. Она поняла, что в этом городе смерть притаилась внутри каждого.

В Мурманске смерть была как бы снаружи, она воспринималась как неизбежное зло и враг. Она была слишком близка, слишком понятна. Заполярье – суровое место.

В Петербурге смерть ходила бок о бок с поэтами и писателями, они шутили с ней, воспевали ее, заигрывали с ней и в конце концов погибали на нелепых дуэлях. В Петербурге Ксения вдруг почувствовала, что двадцать один год – это много. Достаточно много, чтобы начать смотреть в лицо смерти. Что она такая не одна. Да, она живет с зародышем смерти внутри, но каждый человек несет в себе такой зародыш, и она, кажется, понемногу перестает воспринимать это как личное проклятие.

Андрей Кульчицкий, Андрюша, кем же ты был? Ссылным или странником? По доброй ли воле ты поехал на север или тебя выгнали, вырвали, как ветер вырывает парашютное семечко из головки одуванчика?

Ксенины мысли прыгали с одного на другое. Она вспоминала лицо сестры, ее родинку над верхней губой и черные ресницы. Лицо сестры заслоняла собачья морда с мохнатыми бровями и почти настоящей улыбкой. Ксения чуть сильнее нажимала на кошачью спину, и Парсек беспокойно дрыгал лапой во сне. Как там Грымза? Кто с ней гуляет по утрам и вечерам?

«Я заберу тебя», – пообещала она собаке, и теперь ее обдало жаром от невыполненного обещания. Она провела рукой по Парсекову хвосту, кот дернулся, но глаз не открыл. Собака и кот в дедовом – в ее – доме – как они уживутся?

Лицо матери замаячило где-то на периферии сознания, не в фокусе. Ксения вспоминала ее живую мимику, ее постоянно бегающий взгляд, ее тонкие нервные руки. Голос. Последний разговор.

Ксения стиснула зубы. Называется ли то, что она сейчас испытывает, «скучать по родным»? И кто ей родной? Ксения не знала. По Грымзе она точно соскучилась. Она вздохнула, опустила колени и выпрямилась в кресле, потягиваясь.

И в этот момент зазвонил телефон.

Ксения слушала. Раз. Два. Три. Парсек открыл глаза, приподнялся и оперся передними лапами о Ксенины колени, выгибая спину. Потом склонил набок голову, будто спрашивая: «Ты возьмешь трубку?»

Ксения пыталась по звуку определить звонившего. Она прикрыла глаза и слушала тон телефонной трели. Бред, конечно. Но все же. Оксанка? Может, Сашка? Ксения стиснула зубы. Мама? Может, опять староста – мало ли, еще кто из преподавателей заболел или уехал? Сейчас все больше и больше людей уезжают.

Кот несильно, но чувствительно выпустил когти в Ксенину ногу.

– Ай! – Ксения смахнула Парсека на пол, – да беру, беру.

Услышав в трубке Полинин голос и первые ее слова, Ксения почувствовала себя так, будто ее вынули из собственного тела.

Ксения думала, что увезла зародыш смерти из Мурманска с собой.

Выходит, она ошибалась?

Глава 5

Это же просто перфокарты

Санкт-Петербург, январь 2005 года

Первым делом Сашка открыл веб-страницу электронной энциклопедии.

Интернет сильно изменился за последние пару лет: все больше информации появлялось в открытом доступе. Конечно, Сашка не рассчитывал найти исчерпывающие данные о работе секретного подразделения, но он надеялся хотя бы узнать, что из себя представляют Коньшев Евгений и Образов Константин.

Электронная энциклопедия оказалась скупа на информацию. Коньшев Евгений Викторович – невысокий полноватый дядька, похожий на Карлсона, смущенно улыбался Сашке с черно-белого фото. Родился в 1942-м в эвакуации, вернулся в Ленинград в 50-х, учился, женился, работал в Карачаево-Черкесии, преподавал сначала на матмехе, затем получил должность заведующего кафедрой физики медицинского института. Список статей, название кандидатской и докторской диссертаций Сашка пробежал глазами по диагонали: в абракадабре из физических терминов он понимал в лучшем случае предлоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.